

Аркадий Тимофеевич Аверченко

О маленьких — для больших

Рассказы о детях

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 102
ББК 105

Аркадий Тимофеевич Аверченко

О маленьких — для больших: Рассказы о детях / Аркадий Тимофеевич Аверченко — М.: Книга по Требованию, 2011. — 87 с.

ISBN 978-5-458-14037-9

ISBN 978-5-458-14037-9

© Издание на русском языке, оформление, «YOYO Media», 2011
© Издание на русском языке, оцифровка, «Книга по Требованию», 2011

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

О ДѢТЯХЪ.

(Материалы для психологии).

У дѣтей всегда бываетъ странный часто недоступный пониманію взрослыхъ уклонъ мыслей. Мысли ихъ идутъ по какому-то своему пути; отъ образовъ, которые складываются въ ихъ мозгу, вѣтъ прекрасной дикой свѣжестью.

Вотъ нѣсколько пустяковъ, которые запомнились мнѣ:

I.

Одна маленькая дѣвочка, обнявъ мою шею рученками и уютно примостившись на моемъ плечѣ, рассказывала:

— Жиль-быль слонъ. Вотъ однажды пошелъ онъ въ пустыню и легъ спать... И снится ему, что онъ пришелъ пить воду къ громадному-прегромадному озеру, около котораго стоитъ сто бочекъ сахару. Большихъ бочекъ. Понимаешь? А сбоку стоитъ громадная гора. И снится ему, что онъ сломалъ толстый-претолстый дубъ и сталъ разламывать этимъ дубомъ громадныя бочки съ сахаромъ. Въ это время подлетѣлъ къ нему комаръ. Большой такой комаръ — величиной съ лошадь...

Да что это, въ самомъ дѣлѣ, у тебя, — нетерпѣливо перебилъ я. — Все такое громадное: озеро громадное, дубъ громадный, комаръ громадный, бочекъ сто штукъ...

Она заглянула мнѣ въ лицо и съ видомъ превосходства пожала плечами.

— А какже бы ты думалъ. Вѣдь онъ же слонъ?

— Ну, такъ что?

— И потому, что онъ слонъ, ему снится все большое. Не можетъ же ему присниться стеклянный стаканчикъ или чайная ложечка, или кусочекъ сахара...

Я промолчалъ, но про себя подумалъ:

— Легче дѣвочкѣ постигнуть психологию спящаго слона, чѣмъ взрослому человѣку — психологию дѣвочки.

II.

Знакомясь съ однимъ трехлѣтнимъ мальчикомъ крайне сосредоточеннаго вида, я взялъ его на колѣни и, не зная съ чего начать, спросилъ:

— Какъ ты думаешь: какъ меня зовутъ?

Онъ осмотрѣлъ меня и отвѣтилъ, честно глядя, въ мои глаза:

— Я думаю — Андрей Ивановичъ.

На бессмысленный вопросъ я получилъ ошибочный, но вѣжливый, дышащій достоинствомъ отвѣтъ.

III.

Однажды лѣтомъ, гостя у своей замужней сестры, я улегся послѣ обѣда спать.

Проснулся я отъ удара по головѣ, такого удара, отъ котораго могъ бы развалиться черепъ.

Я вздрогнулъ и открылъ глаза.

Трехлѣтній крошка стоялъ у постели съ громадной палкой въ рукахъ и съ интересомъ меня разглядывалъ.

Такъ мы долго, молча, смотрѣли другъ на друга.

Наконецъ, онъ съ любопытствомъ спросилъ:

— Что ты лопаешь?

Я думаю этот поступок был просто вызван вот чем: бродя по комнатам, малютка забрался ко мне и стал разматривать меня, спящего. В это время я во сне, вероятно, пожевал губами. Все что касалось жевания, вообще, и пищи, в частности — очень интересовало малютку. Чтобы привести меня в состояние бодрствования, малютка не нашел другого способа как сходить за палкой, треснуть меня по голове и задать единственный вопрос, который его интересовал

— Что ты лопаешь?

Можно-ли не любить детей?

ДЕНЬ ДѢЛОВОГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

За всѣ пять лѣтъ Ниночкиной жизни — сегодня на нее обрушился, пожалуй, самый тяжелый удар: нѣкто, именуемый Колькой, сочинилъ на нее преядовитый стихотворный памфлетъ.

День начался обычно: когда Ниночка встала, то нянька, одѣвъ ее и напоивъ чаемъ, ворчливо сказала:

— А теперь ступай на крыльцо, погляди, какова нынче погодка! Да посиди тамъ подольше, съ полчаса, — постереги, чтобы дождикъ не пошелъ. А потомъ приди да мнѣ скажи. Интересно, какъ оно тамъ...

Нянька врала самымъ хладнокровнымъ образомъ. Никакая погода ей не была интересна, а просто она хотѣла отвязаться на полчаса отъ Ниночки, чтобы на свободѣ выпить чаю со сладкими сухариками.

Но Ниночка слишкомъ доверчива, слишкомъ благородна, чтобы заподозрѣть въ этомъ случаѣ подвохъ... Она кротко одернула на животѣ передничекъ, сказала:

„Ну, что жъ, пойду погляжу" — и вышла на крыльцо, залитое теплымъ золотистымъ солнцемъ.

Неподалеку отъ крыльца, на ящикѣ изъ-подъ пианино сидѣли три маленькихъ мальчика. Это были совершенно новые мальчики, которыхъ Ниночка никогда и не видывала.

Замѣтивъ ее, мило усѣвшуюся на ступенькахъ крыльца, чтобы исполнить нянькино порученіе — „постеречь, не пошелъ бы дождикъ", — одинъ изъ трехъ мальчиковъ, пошептавшись съ пріятелями, слѣзъ съ ящика и приблизился къ Ниночкѣ съ самымъ ехиднымъ видомъ, подъ личиной наружнаго простодушія и общительности.

— Здравствуй, дѣвочка, — привѣтствовалъ онъ ее.

— Здравствуйте, — робко отвѣчала Ниночка.

— Ты здѣсь и живешь?

— Здѣсь и живу. Папа, тетя, сестра Лиза, фрейленъ, няня, кухарка и я.

— Ого! Нечего сказать, — покривился мальчикъ. — А какъ тебя зовутъ?

— Меня? Ниночка.

И вдругъ, вытянувъ всѣ эти свѣдѣнія, проклятый мальчишка съ бѣшеной быстротой завертѣлся на одной ножкѣ и заоралъ на весь дворъ:

Нинка-Нинѣнокъ,
Сѣрый поросенокъ,
Съ горки скатилась,
Грязью подавилась...

Поблѣднѣвъ отъ ужаса и обиды, съ широко раскрытыми глазами и ртомъ, глядѣла Ниночка на негодяя, такъ порочившаго ее, а онъ снова, подмигнувъ товарищамъ и взявшись съ ними за руки, завертѣлся въ бѣшеномъ хороводѣ, выкрикивая пронзительнымъ голосомъ:

Нинка-Нинѣнокъ,
Сѣрый поросенокъ,
Съ горки скатилась,
Грязью подавилась...

Страшная тяжесть налегла на Ниночкино сердце. О Боже, Боже!.. За что? Кому она стала поперекъ дороги, что ее такъ унизили, такъ опозорили?

Солнце померкло въ ея глазахъ, и весь міръ окрасился въ самые мрачныя тона. Она — сѣрый поросенокъ?! Она — подавилась грязью? Гдѣ? Когда? Сердце болѣло, какъ прожженное раскаленнымъ желѣзомъ, и жить не хотѣлось.

Сквозь пальцы, которыми она закрыла лицо, текли обильныя слезы. Что больше всего убивало Ниночку — это складность опубликованнаго мальчишкой памфлета. Такъ больно сознавать, что „Нинѣнокъ" прекрасно риѹмется съ „поросенкомъ", а „скатилась" и „подавилась", какъ двѣ одинаково прозвучавшія пощечины, горѣли на Ниночкиномъ лицѣ несмываемымъ позоромъ.

Она встала, повернулась къ оскорбителямъ и, горько рыдая, тихо добрела въ комнаты.

— Пойдемъ, Колька, — сказала сочинителю памфлета одинъ изъ его клеветовъ, — а то эта плакса пожалуется еще — намъ и влетитъ.

Войдя въ переднюю и усѣвшись на сундукъ, Ниночка съ непросохшимъ отъ слезъ лицомъ призадумалась. Итакъ, ея оскорбителя зовутъ Колька... О, если бы ей придумать подобныя же стихи, которыми она могла бы опорочить этого Кольку, — съ какимъ бы наслажденіемъ она бросила ихъ ему въ лицо!.. Больше часу просидѣла она такъ въ темномъ углу передней, на сундукѣ, и сердечко ея кипѣло обидой и жаждой мести.

И вдругъ богъ поэзіи, Аполлонъ, коснулся ея чела перстомъ своимъ. Неужели?.. Да, конечно! Безъ сомнѣнія, у нея на Кольку будутъ тоже стихи. И нисколько не хуже давешнихъ!

О, первыя радости и муки творчества!

Ниночка нѣсколько разъ прорепетировала себѣ подъ носъ тѣ жгучія огненныя строки, которыя она швырнетъ Колькѣ въ лицо, и кроткое личико ея озарилось неземной радостью: теперь Колька узнаетъ, какъ затрагивать ее.

Она сползла съ сундука и, повеселѣвшая, съ бодрымъ видомъ, снова вышла на крыльцо.

Теплая компанія мальчишекъ почти у самага крыльца затѣяла крайне незамысловатую, но приводившую всѣхъ трехъ въ восторгъ игру... Именно — каждый, по очереди, приложивъ большой палецъ къ указательному, такъ, что получалось нѣчто въ родѣ кольца, плевалъ въ это подобіе кольца, держа руку отъ губъ на четверть аршина. Если плевокъ пролеталъ внутри кольца, не задѣвъ пальцевъ, — счастливый игрокъ радостно улыбался. Если же у кого-нибудь слюна попадала на пальцы, то этотъ неловкій молодой человекъ награждался оглушительнымъ хохотомъ и насмѣшками. Впрочемъ, онъ не особенно горевалъ отъ такой неудачи, а вытеревъ мокрыя пальцы о край блузы, съ новымъ азартомъ погружался въ увлекательную игру.

Ниночка полюбовалась немного на происходившее, потомъ поманила пальцемъ своего оскорбителя и нагнувшись съ крыльца къ нему, спросила съ самымъ невиннымъ видомъ:

— А тебя какъ зовутъ?

— А что? — подозрительно спросилъ осторожный Колька, чуя во всемъ этомъ какой-то подвохъ.

— Да ничего, ничего... Ты только скажи: какъ тебя зовутъ?

У нея было такое простодушное, наивное лицо, что Колька поддался на эту удочку.

— Ну, Колька, — прохрипѣлъ онъ.

— А-а-а... Колька..

И быстрой скороговоркой выпалила сіяющая Ниночка:

Колька-Коленокъ,
Сѣрый поросенокъ,
Съ горки скатился,
Подавился... грязью...

Тутъ же она бросилась въ предусмотрительно оставленную ею полуоткрытою дверь, а вслѣдъ ей донеслось:

— Дура собачья!

II.

Немного успокоенная, побрела она къ себѣ въ дѣтскую. Нянька, разложивъ на столѣ какую-то матерчатую дрянъ, выкраивала изъ нея рукавъ.

— Няня, дождикъ не идетъ.

— Ну, и хорошо.

— Что ты дѣлаешь?

- Не мѣшай мнѣ.
- Можно смотрѣть?
- Нѣтъ, нѣтъ ужъ, пожалуйста. Пойди лучше, посмотри, что дѣлаетъ Лиза.
- А потомъ что? — покорно спрашиваетъ исполнительная Ниночка.
- А потомъ скажешь мнѣ.
- Хорошо...

При входѣ Ниночки четырнадцатилѣтняя Лиза поспѣшно прячетъ подъ столъ книгу въ розовой оберткѣ, но, разглядѣвъ, кто пришелъ, снова вынимаетъ книгу и недовольно говорить:

- Тебѣ чего надо?
- Няня сказала, чтобы я посмотрѣла, что ты дѣлаешь.
- Уроки учу. Не видишь, что ли?
- А можно мнѣ около тебя посидѣть?.. Я тихо. Глаза Лизы горятъ, да и красныя щеки еще не остыли послѣ книги въ розовой оберткѣ. Ей не до сестреники.
- Нельзя, нельзя. Ты мнѣ будешь мѣшать.
- А няня говорить, что я ей тоже буду мѣшать.
- Ну, такъ вотъ что... Пойди, посмотри, гдѣ Тузикъ? Что съ нимъ?
- Да онъ, навѣрное, въ столовой около стола лежитъ.
- Ну, вотъ. Такъ ты пойди, посмотри, тамъ ли онъ, погладь его и дай ему хлѣба.

Ни одной минуты Ниночкѣ не приходится въ голову, что отъ нея хотять избавиться. Просто ей дается отвѣтственное порученіе — вотъ в все.

- А когда онъ въ столовой, такъ придти къ тебѣ и сказать? — серьезно спрашиваетъ Ниночка.
- Нѣтъ! Ты тогда пойди къ папѣ и скажи, что покормила Тузика. Вообще, посиди тамъ у него, понимаешь?..
- Хорошо...

Съ видомъ домовитой хозяйки-хлопотуньи спѣшить, Ниночка въ столовую. Гладить Тузика, даетъ ему хлѣба и потомъ озабоченно мчитъ къ отцу (вторая половина порученія — сообщить о Тузикѣ отцу).

- Папа!
- Папы въ кабинетѣ нѣтъ.
- Папа!
- Папы нѣтъ въ гостиной.
- Папа!

Наконецъ-то... Папа сидитъ въ комнатѣ фрейленъ, близко наклонившись къ этой послѣдней, держа ея руку въ своей рукѣ.

При появленіи Ниночки, онъ сконфуженно откидывается назадъ и говорить съ немного преувеличенной радостью и изумленіемъ:

- А-а! Кого я вижу! Наша многоуважаемая дочь! Ну, какъ ты себя чувствуешь, свѣтъ очей моихъ?
- Папа, я уже покормила Тузика хлѣбомъ.
- Ага... И хорошо, братъ, сдѣлала; потому они, животныя эти, безъ пищи, тово... Ну, а теперь иди себѣ, голубъ мой сизокрылый.
- Куда, папа?
- Ну... пойди ты вотъ куда... Пойти ты... гм!.. Пойди ты къ Лизѣ и узнай, что она тамъ дѣлаегъ.
- Да я уже только была у нея. Она уроки учить.
- Вотъ какъ... Пріятно, пріятно.

Онъ краснорѣчиво глядитъ на фрейленъ, потихоньку гладить ея руку и неопредѣленно мямлитъ:

- Ну... въ такомъ разѣ... пойди ты къ этой самой...пойди ты къ нянкѣ и погляди ты... чѣмъ тамъ занимается вышесказанная нянька?
- Она что-то шьетъ тамъ.
- Ага... Да постой! Ты сколько кусковъ хлѣба дала Тузику?
- Два кусочка.
- Эка расщедрилась! Развѣ такой большой песь можетъ быть сытъ двумя кусочками? Ты ему, ангель мой, еще вкати... Кусочка, этакъ, четыре. Да посмотри, кстати, не грызетъ ли онъ ножку стола.
- А если грызетъ, придти и сказать тебѣ, да? — глядя на отца свѣтлыми, ласковыми глазами, спрашиваетъ Ниночка.

— Нѣтъ, братъ, ты это не мнѣ скажи, а этой, какъ ее... Лизѣ скажи. Это уже по ея департаменту. Да если есть у этой самой Лизы этакая какая-нибудь смѣшная книжка съ картинками, то ты ее, значить,

тово... Просмотри хорошенько, а потомъ расскажешь, что ты видѣла. Поняла?

— Поняла. Посмотрю и расскажу.

— Да это, братъ, не сегодня. Рассказать можно и завтра. Надъ нами не каплетъ. Вѣрно вѣдь?

— Хорошо. Завтра.

— Ну, путешествуй!

Ниночка путешествуетъ. Сначала въ столовую, гдѣ добросовѣстно засовываетъ Тузику въ оскаленную пасть три куса хлѣба, потомъ въ комнату Лизы.

— Лиза! Тузикъ не грызетъ ножку стола.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю, — разсѣянно роняетъ Лиза, впившись глазами въ книгу. — Ну, иди себѣ.

— Куда идти?

— Пойди къ папѣ. Спроси, что онъ дѣлаетъ?

— Да я уже была. Онъ сказалъ, чтобы ты мнѣ книжку съ картинками показала. Ему надо все завтра рассказать...

— Ахъ ты, Господи! Что это за дѣвчонка!.. Ну, на тебѣ! Только сиди тихо. А то выгоню.

Покорная Ниночка опускается на скамеечку для ногъ, разворачиваетъ на колѣняхъ данную сестрой иллюстрированную геометрію и долго разсматриваетъ усѣченные пирамиды, конусы и треугольники.

— Посмотрѣла, — говоритъ она черезъ полчаса, облегченно вздыхая. — Теперь что?

— Теперь? Господи! Вотъ еще неприкаянный ребенокъ. Ну, пойдѣ на кухню, спроси у Ариши: что у насъ нынче на обѣдъ? Ты видѣла когда-нибудь, какъ картошку чистятъ?

— Нѣтъ...

— Ну, пойдѣ, посмотри. Потомъ мнѣ расскажешь.

— Что жъ... пойду.

У Ариши гости: сосѣдская горничная и посыльный — „красная шапка“.

— Ариша, скоро будешь картошку чистить? Мне надо смотрѣть.

— Гдѣ тамъ скоро! И черезъ часъ не уберусь.

— Ну, я посижу, подожду.

— Нашла себѣ мѣсто, нечего сказать!.. Пойди лучше къ нянькѣ, скажи, чтобы она тебѣ чегонибудь дала.

— А чего?

— Ну, тамъ она знаетъ — чего.

— Чтобы сейчасъ дала?

— Да, да, сейчасъ. Иди себѣ, иди!

III.

Цѣлый день быстрыя ножки Ниночки переносятъ ее съ одного мѣста на другое. Хлопотъ уйма, порученій — по горло. И все самыя важныя, неотложныя.

Бѣдная „неприкаянная“ Ниночка.

И только къ вечеру, забредя случайно въ комнаты тети Вѣры, Ниночка находитъ настоящій привѣтливый пріемъ.

— А-а, Ниночка, — бурно встрѣчаетъ ее тетя Вѣра. — Тебя то мнѣ и надо. Слушай, Ниночка... Ты меня слушаешь?

— Да, тетя. Слушаю.

— Вотъ что, милая... Ко мнѣ сейчасъ придетъ Александръ Семенычъ. Ты знаешь его?

— Такой, съ усами?

— Вотъ именно. И ты, Ниночка... (тетя странно и тяжело дышитъ, держась одной рукой за сердце) ты, Ниночка... сиди у меня, пока онъ здѣсь, и никуда не уходи. Слышишь? Если онъ будетъ говорить, что тебѣ пора спать, ты говори, что не хочешь... Слышишь?

— Хорошо. Значитъ, ты меня никуда не пошлешь?

— Что ты! Куда же я тебя пошлю? Наоборотъ, сиди тутъ и больше никакихъ. Поняла?

— Барыня! Ниночку можно взять? Ей уже спать давно пора.

— Нѣтъ, нѣтъ, — она еще посидитъ со мною. Правда Александръ Семенычъ?

— Да пусть спать идетъ, чего тамъ? — говоритъ, этой молодой человѣкѣ, хмурия брови...

— Нѣтъ, нѣтъ, я ее не пушу. Я ее такъ люблю...И судорожно обнимаетъ тетя Вѣра большими

теплыми руками крохотное тѣлице дѣвочки, какъ утопающій, который въ послѣдней предсмертной борьбѣ готовъ ухватиться даже за крохотную соломинку...

А когда Александръ Семенычъ, сохраняя угрюмое выраженіе лица, уходитъ, тетя какъ-то вся опускается, вянетъ и говорить совсѣмъ другимъ, не прежнимъ тономъ:

— А теперь ступай, дѣтка, спать. Нечего тутъ разсиживаться. Вредно...

Стягивая съ ноги чулочекъ, усталая, но довольная Ниночка думаетъ про себя, въ связи съ той молитвой, которую она только что вознесла къ небу, по настоянію няньки, за покойную мать:

— А что, если и я помру? Кто тогда все дѣлать будетъ?

ГРАБИТЕЛЬ.

Съ переулка, около садовой калитки, черезъ нашъ заборъ на меня смотрѣло розовое, молодое лицо — черные глаза не мигали и усики забавно шевелились.

Я спросилъ:

— Чего тебѣ надо? Онъ ухмыльнулся.

— Собственно говоря — ничего.

— Это нашъ садъ, — деликатно намекнулъ я.

— Ты, значить, здѣшній мальчикъ?

— Да. А то какой же?

— Ну, какъ твое здоровье? Какъ поживаешь?

Ничѣмъ не могъ такъ польстить мнѣ незнакомецъ, какъ этими вопросами. Я сразу почувствовалъ себя взрослымъ, съ которымъ ведутъ серьезный разговоръ.

— Благодарю васъ, — солидно сказалъ я, роя ногой песокъ садовой дорожки. — Поясницу что-то поламываетъ. Къ дождю, что ли!..

Это вышло шикарно. Совсѣмъ какъ у тетки.

— Здорово, братъ! Теперъ ты мнѣ скажи вотъ что: у тебя, кажется, должна быть сестра?

— А ты откуда знаешь?

— Ну, какъ же... У всякаго порядочнаго мальчика должна быть сестра.

— А у Мотьки Нароновича нѣтъ! — возразилъ я.

— Такъ Мотька развѣ порядочный мальчикъ? — ловко отпарировалъ незнакомецъ. — Ты гораздо лучше.

— Я не остался въ долгу:

— У тебя красивая шляпа.

— Ага! Ключуло!

— Что ты говоришь?

— Я говорю: можешь ты представить себѣ человѣка, который спрыгнулъ бы съ этой высоченной стѣны въ садъ?

— Ну, это, братъ, невозможно.

— Такъ знай же, о юноша, что я берусь это сдѣлать. Смотри-ка!

Если бы незнакомецъ не перенесъ вопроса въ область чистаго спорта, къ которому я всегда чувствовалъ родъ болѣзненной страсти, я, можетъ быть, протестовалъ бы противъ такого безцеремоннаго вторженія въ нашъ садъ.

Но спортъ это — святое дѣло.

— Гопъ! — и молодой человѣкъ, вскочивъ на верхушку стѣны, какъ птица спорхнулъ ко мнѣ съ пятиаршинной высоты.

Это было такъ недостижимо для меня, что я даже не завидовалъ.

— Ну, здравствуй, отроче. А что подѣлываетъ твоя сестра? Ее, кажется, Лизой зовутъ?

— Откуда ты знаешь?

— По твоимъ глазамъ вижу.

Это меня поразило. Я плотно зажмурилъ глаза и сказалъ:

— А теперъ?

Экспериментъ удался, потому что незнакомецъ, повертѣвшись бесплодно, сознался:

— Теперъ не вижу. Разъ глаза закрыты, самъ, братъ, понимаешь... Ты во что тутъ играешь, въ саду-то?

— Въ саду-то? Въ домикъ.

— Ну? Вотъ-то ловко! Покажи-ка мнѣ твой домикъ.

Я доврѣчиво повелъ прыткаго молодого человѣка къ своему сооруженію изъ нянькиныхъ

платковъ, камышевой палки и нѣсколькихъ досокъ, но, вдругъ, какой-то внутренней толчокъ остановилъ меня...

— О, Господи, — подумалъ я. — А вдругъ это какойнибудь воръ, который задумалъ ограбить мой домикъ, утащить все то, что было скоплено съ такимъ трудомъ и лишениями: живая черепаха въ коробочкѣ, ручка отъ зонтика, въ видѣ собачьей головы, баночка съ вареньемъ, камышевая палка и бумажный складной фонарикъ.

— А зачѣмъ тебѣ? — угрюмо спросилъ я. — Я лучше пойду спрошу у мамы, можно ли тебѣ показать?

Онъ быстро, съ нѣкоторымъ испугомъ, схватилъ меня за руку

— Ну, не надо, не надо, не надо! Не уходи отъ меня... Лучше не показывай своего домика, только не ходи къ мамѣ.

— Почему?

— Мнѣ безъ тебя будетъ скучно.

— Ты, значить, ко мнѣ пришелъ?

— Конечно! Вотъ-то чудакъ! И ты еще сомнѣвался... Сестра Лиза дома сейчасъ?

— Дома. А что?

— Ничего, ничего. Это что за стѣна? Вашъ домъ?

— Да... Вотъ то окно — папина кабинета.

— Пойдемъ-ка подальше, посидимъ на скамеечкѣ.

— Да я не хочу. Что мы тамъ будемъ дѣлать?

— Я тебѣ чтонибудь расскажу...

— Ты загадки умѣешь?

— Сколько угодно! Такія загадки, что ты ахнешь.

— Трудныя?

— Да ужъ такія, что даже Лиза не отгадаетъ. У нея сейчасъ никого нѣтъ?

— Никого. А вотъ отгадай ты загадку, — предложилъ я, ведя его за руку въ укромный уголокъ сада.

— "Въ одномъ боченкѣ два пива — желтое и бѣлое". Что это такое?

— Гм! — задумчиво сказалъ молодой человѣкъ. — Вотъ такъ штука! — Не яйцо ли это будетъ?

— Яйцо...

На моемъ лицѣ онъ ясно увидѣлъ недовольство и разочарованіе: я не привыкъ, чтобы мои загадки такъ легко разгадывались.

— Ну, ничего, — успокоилъ меня незнакомецъ. — Загадай-ка мнѣ еще загадку, авось я и не отгадаю.

— Ну, вотъ, отгадай: "семьдесятъ одежекъ и всѣ безъ застежекъ".

Онъ наморщилъ лобъ и погрузился въ задумчивость.

— Шуба?

— Нѣтъ-съ, не шуба-съ!..

— Собака?

— Почему собака, — удивился я его безтолковости. — Гдѣ же это у собаки семьдесятъ одежекъ?

— Ну, если ее, — смущенно сказалъ молодой человѣкъ, — въ семьдесятъ шкуръ зашьютъ.

— Для чего? — безжалостно улыбаясь, допрашивалъ я.

— Ну, мало ли... Если, скажемъ, хозяинъ чудакъ.

— Нѣтъ, ты, братъ, не отгадай!

II.

Послѣ этого онъ понесъ совершеннѣйшую чушь, которая доставила мнѣ глубокое удовольствіе:

— Велосипедъ? Море? Зонтикъ? Дождикъ?

— Эхъ, ты! — снисходительно сказалъ я. — Это кочанъ капусты.

— А, вѣдь, и въ самомъ дѣлѣ! — восторженно крикнулъ молодой человѣкъ. — Это замѣчательно! И какъ это я раньше не догадался. А я-то думаю: море? Нѣтъ, не море... Зонтикъ? Нѣтъ, не похоже. Вотъ-то продувной братецъ у Лизы! Кстати, она сейчасъ въ своей комнатѣ, да?

— Въ своей.

— Одна?

— Одна. Ну, что жъ ты... Загадку-то!

— Ага! Загадку? Гм... Какую же, братецъ, тебѣ загадку? Развѣ эту: "Два кольца, два конца, а

посерединѣ гвоздикъ".

Я съ сожалѣніемъ оглядѣлъ моего собесѣдника: загадка была пошлѣйшая, элементарнѣйшая, затасканная и избитая.

Но внутренняя деликатность подсказала мнѣ неотгадывать ее сразу.

— Что же это такое? — задумчиво промолвилъ я. — Вѣшалка?

— Какая же вѣшалка, если посерединѣ гвоздикъ, — вяло возразилъ онъ, думая о чемъ-то другомъ.

— Ну, ее же прибили къ стѣнѣ, чтобы держалась.

— А два конца? Гдѣ они?

— Костыли? — лукаво спросилъ я и вдругъ крикнулъ съ невыносимой гордостью:

— Ножницы!!.

— Вотъ, чортъ возьми! Догадался-таки! Ну, и ловкачъ же ты! А сестра Лиза отгадала бы эту загадку?

— Я думаю, отгадала бы. Она очень умная.

— И красивая, добавь. Кстати, у нея есть какіе-нибудь знакомые?

— Есть. Эльза Либкнехтъ, Милочка Одинцова, Надя...

— Нѣтъ, а мужчины-то. Есть?

— Есть. Одинъ тутъ къ намъ ходить.

— Зачѣмъ же онъ ходить?

— Онъ?

Въ задумчивости я опустилъ голову и взглядъ мой упалъ на щегольскіе лакированные ботинки незнакомца.

Я пришелъ въ восхищеніе:

— Сколько стоятъ?

— Пятнадцать рублей. Зачѣмъ же онъ ходить, а? Что ему нужно?

— Онъ, кажется, замужъ хочетъ за Лизу. Ему уже пора, онъ старый. А эти банты — завязываются, или такъ уже куплены?

— Завязываются. Ну, а Лиза хочетъ за него замужъ?

— Согни-ка ногу... Почему они не скрипятъ? Значить, не новые, — критически сказалъ я. — У кучера Матвѣя были новые, такъ, небось, скрипѣли. Ты бы ихъ смазалъ чѣмъ-нибудь.

— Хорошо, смажу. Ты мнѣ скажи, отроче, а Лизѣ хочется за него замужъ? Я вздернулъ плечами.

— А то какъ же! Конечно, хочется. Онъ взялъ себя за голову и откинулся на спинку скамьи.

— Ты чего?

— Голова болить.

Болѣзни — была единственная тема, на которую я могъ говорить солидно.

— Ничего... Не съ головой жить, а съ добрыми людьми.

Это нянькино изреченіе пришлось ему, очевидно по вкусу.

— Пожалуй, ты правъ, глубокомысленный юноша. Такъ ты утверждаешь, что Лиза хочетъ за него замужъ?

Я удивился:

— А какъ же иначе?! Какъ же тутъ не хотѣть! Ты развѣ не видѣлъ никогда свадьбы?

— А что?

— Да, вѣдь, будь я женщиной, я бы каждый день женился: на груди бѣлые цвѣточки, банты, музыка играетъ, всѣ кричатъ ура, на столѣ икры стоитъ вотъ такая коробка, и никто на тебя не кричитъ, если ты много съѣлъ. Я, братъ, бывалъ на этихъ свадьбахъ.

— Такъ ты полагаешь, — задумчиво произнесъ незнакомецъ, — что она именно поэтому хочетъ за него замужъ?

— А то почему же!.. Въ церковь ѣдутъ въ каретѣ, да у каждаго кучера на рукѣ платокъ повязанъ. Подумай-ка! Жду — не дождусь, когда эта свадьба начнется.

— Я зналъ мальчиковъ, — небрежно сказалъ незнакомецъ, — до того ловкихъ, что они могли до самага дома на одной ногѣ доскакать...

Онъ затронулъ слабѣйшую изъ моихъ струнъ.

— Я тоже могу!

— Ну, что ты говоришь! Это неслыханно! Неужели доскачешь?

— Ей Богу! Хочешь?

— И по лѣстницѣ навверхъ?

— И по лѣстницѣ.